
Алиана Терн
Тень над межой

Алиана Терн

Тень над межой

«Автор»
2026

Терн А.

Тень над межой / А. Терн — «Автор», 2026

Милана — межевая знахарка. Она не варит привороты, а латает дыры между Явью и Навью и утихомиривает лесную нечисть. Но когда древнее проклятие поражает ее младшего брата, знахарке приходится принять опасный заказ князя.В напарники ей достается Святозар — суровый княжеский воевода, привыкший верить только мечу и не признающий «бабьих сказок». Вместе им предстоит отправиться в Чернолесье, где бесследно пропадают дружинники, а лесные духи сходят с ума.Чтобы выжить и спасти брата, колдунье и воину придется научиться доверять друг другу. Вот только кто на самом деле ломает границу миров — древнее зло из чащи или предатель у самого престола?

© Терн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Заноза в Гнилых топях 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Алиана Терн
Тень над межой

Глава 1. Заноза в Гнилых топях

Болото пахло прелой осокой, тиной и старой, прогорклой кровью. Последний запах к лесу отношения не имел — его источал охотничий сруб на краю Гнилых топей, покосившийся так сильно, словно земля под ним устала держать бревенчатую тяжесть и решила проглотить избушку целиком.

Милана присела на корточки у самого порога, подтянув подол темно-зеленого шерстяного сарафана, чтобы не вымазать его в жирной, чавкающей грязи. Пальцы, навсегда въевшиеся в коричневатый оттенок полынных и зверобойных отваров, осторожно коснулись нижнего венца. Дерево под ладонью оказалось ледяным, хотя солнце еще не успело скрыться за зубчатой стеной сосняка.

— Ну что там, Мил? — раздался за спиной нетерпеливый голос. — Кикимора завелась или домовой сбесился? Давай быстрей, комары зажрут.

Милана не обернулась. Она достала из поясного туеска щепоть крупной серой соли, смешанной с толченым углем, и медленно посыпала вдоль порога. Соль зашипела, точно попала на раскаленную сковороду, и пошла бурыми пятнами.

— Была бы кикимора — мы бы уже по колено в ряске стояли, — ровно ответила Милана, доставая охотничий нож. — А домового в заброшенной сторожке отродясь не водилось. Не к чему ему тут прикипать. Тут, Ярик, межевая заноза сидит. И сидит глубоко.

Ярослав фыркнул, переступая с ноги на ногу. В свои пятнадцать он вытянулся, как молодой березняк, но плечи еще оставались мальчишескими, угловатыми. Вихрастая русая макушка вечно торчала во все стороны, а карие глаза горели тем самым лихорадочным любопытством, от которого у старшей сестры каждую неделю прибавлялось седых волос.

— Заноза? — парень недоверчиво покосился на почерневшие бревна. — Это когда Навь о Явь царапается?

— Когда кто-то умный лезет туда, куда не просят, — поправила она, закатывая рукав грубой льняной рубахи. — Охотник местный, видать, подстрелил зверя на самой меже, а добивать пошел уже на той стороне. Вот за ним след и потянулся. Дверь в Навь приоткрылась на ширину ладони, а закрыть ее некому. Теперь из этой щели холод тянет. Если не зашить — к зиме вся округа с ума сойдет от морока.

Она полоснула острием ножа по левой ладони. Тонкая алая полоска мгновенно выступила на коже. Милана стиснула зубы — к боли она привыкла с шестнадцати лет, когда старая наставница впервые показала ей, чего на самом деле стоит знахарское ремесло. Заговоры из книжек и шепотки над водой годились разве что от сглаза да зубной боли. Чтобы залатать дыру между мирами, нужна была плата. Живая, горячая плата.

Милана прижала кровоточащую ладонь к ледяному бревну и зашептала. Слова ложились тяжело, вязко, будто приходилось толкать в гору телегу с мокрым песком. С каждым выдохом изо рта вырывался белый пар, а пальцы на руке немели, отдавая свое тепло прожорливой пустоте за стеной сруба.

Бревно под ладонью задрожало. Из щелей между венцами потянулся сизый, пахнущий могильной сыростью дымок. Где-то внутри пустой избы жалобно заскрипели половицы, словно невидимый зверь попятился в угол, шипя от яркого света.

— Стой в кругу, Ярик, — выдохнула Милана, чувствуя, как по виску скатилась холодная капля пота. — Я соль насыпала. Шагнешь за нее — я тебя сама выпорю, не дожидаясь лешего.

— Да стою я, стою, — буркнул брат.

Он действительно стоял у самого края соляной полосы, но взгляд его то и дело скользил в сторону темного ельника, подступавшего к болоту. Там, между мохнатыми лапами старых елей, вечерние сумерки сгущались быстрее всего. И там, прямо у корней вывернутого бурей пня, что-то тускло блеснуло.

Милана этого не видела. Она закрыла глаза, вливая последние капли силы в заговор. Навь сопротивлялась — жадная, тяжелая, она не хотела отпускать кусок живого мира, который уже успела надкусить. Ладонь жгло так, словно она держала ее в углях, а в ушах застучала кровь. Еще немного. Еще три слова...

С громким, сухим треском бревно под рукой раскололось. Сизый дым втянулся обратно в щель и исчез. Ледяной холод, тянувший от порога, разом сменился обычной вечерней прохладой.

Милана отдернула руку и тяжело выдохнула, оседая прямо на корточки. Голова слегка кружилась, во рту стоял металлический привкус. Она быстро вытащила из мешочка чистую тряпицу, обмотала порез и туго затянула зубами узел.

— Всё, — хрипло сказала она, поднимаясь. — Зашили. Теперь хоть до весны простоит. Собирай котомку, Ярик, до темноты надо успеть на тракт выбраться... Ярик?

У порога никого не было.

Сердце Миланы пропустило удар, а затем бухнуло о ребра с такой силой, что перехватило дыхание. Соляная полоса у правого угла сруба была смазана широким отпечатком сапога.

— Ярослав! — крикнула она, мгновенно забыв про слабость и выхватывая нож из-за пояса.

— Да тут я, Мил! Смотри, что нашел!

Он вышел из-за вывернутого пня в десяти шагах от обережного круга. Лицо его светилось мальчишеским восторгом. В грязных, перепачканных землей ладонях он держал плоский черный камень размером с гусиное яйцо. По всей его гладкой поверхности вилась тонкая, едва заметная резьба, внутри которой лениво перекатывался мутный зеленоватый огонек.

— Брось! — заорала Милана так, что с ближайшей сосны с карканьем сорвалась ворона. — Немедленно брось эту дрянь!

Она рванулась к нему, но не успела сделать и трех шагов.

Камень в руках Ярослава тихо хрустнул, точно скорлупа грецкого ореха. Из трещины бесшумно вырвалось облачко густого, желто-зеленого тумана. Оно не рассеялось на ветру — оно словно живое ударило парню прямо в лицо.

Ярослав дернулся, выронил камень и схватился за горло. Его глаза широко распахнулись. Он попытался вдохнуть, но вместо воздуха из груди вырвался сухой, шелестящий хрип, похожий на шуршание осенней листвы под ногами.

— Ярик!

Милана подлетела к нему, сбивая с ног в мох, подальше от расколотого камня. Она перевернула брата на спину, лихорадочно шаря по поясу в поисках склянки с нашатырем и зверобойной настойкой.

— Дыши, слышишь меня?! Не смей задерживать дыхание, выплюнь!

Ярослав закашлялся — долго, надрывно, выгибая спину. На его губах выступила серовато-тая пена. Когда приступ прошел, парень бессильно откинулся на мох, глядя в темнеющее небо.

— Мил... — прошептал он чужим, глухим голосом. — Холодно как... И ноги... я ног не чувствую.

Милана задрала штанину его грубых портков и замерла.

От щиколотки вверх, прямо на глазах, тонкая светлая кожа мальчишки темнела, грубела и покрывалась шершавыми серыми бороздками, точь-в-точь как кора старого дуба. А в его

теплых карих глазах, когда он повернул голову к сестре, медленно разгорался холодный, неподвижный болотный отблеск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.